

ЖАРКИЕ ДНИ ПОД ПЕТРОПАВЛОВКОЙ и КОРОТОЯКОМ

Автор Григорий Петрович Комиссаров гвардии старший лейтенант в отставке, инвалид Великой отечественной войны II группы. Проживал по адресу: город Дмитриев Курской области ул. Землячки, 5а, кв. 15

Г.П.Комиссаров
г. Дмитриев 1988 г.

*Жизнь прожить, не поле перейти,
на её пути всё может быть.*

ЧТО МЫ ЗНАЛИ О СЕБЕ.

Родился я в 1914 году 11 апреля в селе Коробкино Дмитриевского района Курской области в большой и бедной семье Комиссаровых Петра Филипповича и Доры Сергеевны, и нарекли меня Григорием.

Родители с ранних лет приучали нас к нелёгкому крестьянскому труду. Отец и мать были совершенно неграмотными и бедными, они нам образование дать не могли. Старшие три брата ходили в школу по три-четыре месяца, по зиме. Мне с большим трудом удалось получить, и то не сразу, семилетнее образование. И потом всю жизнь работал и учился, учился и работал, вкладывая всю душу и сердце.

Дедушка мой Филипп и бабушка Агафья с большим трудом скопили средства, чтобы иметь лошадь, корову и несколько овец. Дед имел три надела земли: на себя, моего отца и брата отца Андрея. Передел земли проводился через семь лет, и те дети, которые родились после передела, землёй не пользовались. Таким образом, на моих старших братьев в семье земли не было. Женщины вообще землёй не наделялись. Большим несчастьем считалось, если в семье рождались одни девочки. В селе помещика не было, и землёй пользовались общинно.

В 1910 году отец был отделен, и в его хозяйство выделялись амбар (мазанка), тёлка. Тёлку продали, а сруб для хаты купили. Отец вынужден был пойти в работники к попу Никифорову. Там случилось так: поп послал отца в лес за дровами, сказал: «Дайте Петру, хотя и грешно, в пост селёдки». В это время на обед готовилось мясо. Отец спросил: «А мясо для чего рубится?». Поп ответил: «Детям можно, они начитаны». Их у него было тринадцать. С тех пор отец перестал ходить в церковь.

При разделе у отца бала семья большая, после разделе нас появилось ещё трое.

До 1918 года жили в хате без сеней, их подстроили только в этом году. Печь топилась по-чёрному, без трубы. Помню, хотя и был маленьким, когда топилась печь, дым шел к потолку, открывали двери, низ завязывали попоной и дым валил наружу через двери. Все мы «приземлялись» и сидели внизу. Потолок и верх стен были черны от копоти. В 1919 году построили трубу. Ох, как мы были рады, в хате стало светло и чисто.

В эти годы отец стерёг стадо на украинском посёлке. Ему в счёт оплаты дали тёлку, которую он обменял на трёхлетку

жеребёнка, так мы в 1918 году стали лошадными. При переделе земли получили её на всех членов семьи. В следующем году таким же образом заработали стельную тёлку.

В 1921 году выселились на посёлок Маркино, ближе к лесу, перевезли хату, построили конюшню для лошади, хлев для коровы.

Мать наша была женщиной большого трудолюбия и большая мастерица, неуёмная сама была в работе и нас заставляла быть такими. Она – отзывчивый, правдивый и честный, большой души и крепкого благородного сердца человек.

В 1930 году весной началась коллективизация, отец поколебался, подумал, жалко ему было отдавать лошадь, упряжь и другое имущество, подлежащее обобществлению. Подумал и объявил – надо со всеми вступать в колхоз. Я принимал активное участие в создании колхоза: мы ходили по домам, агитировали, писали списки вступивших. Много дел тогда было на наших плечах, и все они новые. Нам грозили, но мы работали и ничего не боялись. В начале декабря 1933 года колхоз послал меня в МТС (машинотракторная станция) учиться на тракториста. В начале марта 1934 года заболел тифом и попал в больницу. 7 марта умерла мать, а 27 марта – отец. Я и сестра выехали из села на стройку – станция Косторная. Там приобщился к рабочей среде – плотничал, был групп комсоргом, участвовал в художественной самодеятельности. Помню, играл дьячка, мне наклеили бородку, усики, шевелюру на голову, смешным я стал. Роль свою, говорили, не плохо.

Весной 1936 года призвали в Красную армию, прослужил два с половиной года в Приморье, уволился в запас в звании зам. политрука. Приехал на родину. РК ВЛКСМ направил меня на работу в районный финансовый отдел – инспектором госстраха. Где бы я ни работал, относился к ней серьёзно, быстро осваивал. Всегда учился. Трудно это было? Да, но надо.

В апреле 1939 года, работая в одной комсомольской организации, познакомился с Анной Васильевной, которая вскоре стала моей женой, другом, советчицей, помощником во всех делах на долгие годы совместной жизни. Наш день стал 9 июля. В 1940 году, 25 августа родился сын Валерий. Мы жили хотя и бедно, но дружно, хорошо, два года до войны прошли для нас, как один день – счастливый и содержательный день.

И вот война. Я ушёл по призыву партии в армию политбойцом. Жена осталась с сыном и двумя младшими сёстрами. При подходе врага к городу, не задумываясь,

эвакуировалась в тыл – Казахстан. Я благодарен ей за её мужество.

День Победы встретил в госпитале город Лигниц ПНР, в сентябре выписали, вернулся домой. Устроился на работу (будучи инвалидом) в городской финансовый отдел, потом перевели на должность председателя райплана. В 1953 году весной переехал в Приморье посёлок Краскино, работа в той же должности. Последние десять лет перед пенсией по решению Приморского крайкома КПСС работал главным экономистом крупнейшего совхоза Приморья – Астраханский.

За боевые дела на фронтах Великой Отечественной войны награждён орденом «Отечественной войны» II степени, орденом «Красной Звезды», медалями.

Комсомолец тридцатых годов, член КПСС с 1942 года. За время работы выполнял ответственные поручения: более двадцати лет пропагандист в сети партийного просвещения, секретарь первичной партийной организации при райисполкоме более десяти лет, четыре раза избирался депутатом районного совета, пять раз – в состав пленума райкома партии, редактировал стенную газету, выступал с докладами, был членом районного общества «Знание».

За свою работу много раз награждался денежными премиями, почетными грамотами, ценными подарками, был удостоен Знака министерства сельского хозяйства по итогам соцсоревнования, к столетию В.И. Ленина награждён медалью «За добросовестный труд».

О прошлом: упрекнуть за что-либо себя в работе и жизни не могу. Она прошла честно, напряжённо, я бы сказал, в творческом труде, скучать было некогда.

Война, это народное бедствие и горе.

ТАК БЫЛО

Утро на редкость выдалось тёплым, после прошедшего ночью дождя взошедшее на ясном, омытом, синем небе солнце высветило капли на траве, листьях деревьев в саду. Они сверкали и слепили глаза. Щебетали птицы, радуясь такому утру. А в это время уже на западных границах нашей Родины полыхала кровопролитная война, унося человеческие жизни, разрушая всё, что было создано трудом многих поколений людей. Мы ещё не знали этого, и горожане шли на реку отдыхать, радуясь хорошей погоде, предвкушая хороший отдых.

Это было утро 22 июня 1941 года.

В 12 часов дня было выступление по радио Народного Комиссара по иностранным делам В.М. Молотова с правительственным сообщением, в котором говорилось: «Гитлеровская Германия бе объявления войны вероломно порвала договор о ненападении, внезапно в 4 утра по всей границе напала на нашу страну». Заканчивалось выступление словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!».

В 13 часов в городском саду состоялся митинг. После митинга у военкомата образовалась очередь для записи добровольцами, среди них были молодые, не призывного возраста юноши и девушки и пожилые мужчины.

В 21 час меня вызвали в райком партии, второй секретарь т. Свиринов И.И. своим тихим голосом сказал: «Повестки призванным уже повезли, немедленно выезжайте». В ночь я выехал в с. Меловое с заданием организации отправки призванных в армию и организации полевых работ (шла прополка сахарной свеклы). 23 утром перед отправкой был проведён митинг. Тогда мы не знали, что война будет такой длительной, тяжёлой, бесчеловечной в своей ярости, небывалой в истории. Мы предполагали, что она продлится три-четыре месяца, от силы полгода, и врага на свою территорию не пустим, разобьём его на границе.

В ночь на 1 июля я вернулся домой и как обычно пришёл на работу утром. В 12 часов вызвали в РК ВКП(б). из районного отдела финансов нас было трое – я, Фролов Михаил Мартынович и Катаев Евгений Иванович, из сберкассы Васильев Яков Кириллович, Майского отделения совхоза Цветков и другие, всего 30 человек – членов и кандидатов партии. Первый секретарь т. Плотников М.М. сказал: «Вы по решению ЦК ВКП(б) мобилизованы в армию для усиления партийно-комсомольской прослойки политбойцами». Вечером в райвоенкомате прошли беглую

медицинскую комиссию. Меня у военкомата ждала жена, шёл сильный дождь, мы бежали домой, промокли до нитки. 2 июля были уже на станции, где нас провожали близкие. Поезд опоздал на полтора часа и подарил нам это время побыть вместе с нашими женами. Трудно, очень трудно было расставаться, зная, что мы едем на войну. Эту разлуку мы перенесли стойко, слёз на станции не было, вернее мы их не показали. Слезы все Аня выплакала в течение ночи перед отправкой. Она положила свою голову мне на грудь и всю ночь проплакала: сердца наши чувствовали большую долгую разлуку и большие тяжёлые лишения. Я её не успокаивал, я знал, что это делать не надо.

Прибыли в обком партии, у нас изъяли паспорта, взамен выдали полоски бумаги с указанием номера паспорта, фамилии, имя и отчества. Эту полоску бумаги моя жена берегла всю войну до моего прихода после войны домой.

3 июля мы рано утром прибыли во двор Обкома, там в 6 часов утра прослушали выступления И.В. Сталина. После митинга, на котором выступал с напутственной речью первый секретарь Обкома партии т. Доронин П.И., поездом 600 человек отбыли в город Орёл, там прошли курс военно-политической подготовки в течение двух недель.

По железной дороге мы подъехали к городу Вязьме, в лесу разгружались и вошли в состав 444 стрелкового полка, 76 стрелковой дивизии. Распределили нас по ротам – я был назначен зам. Политрука миномётной роты. После двухчасового отдыха и обеда маршем вышли к фронту под город Ярцево Смоленской области.

На марше мы испытали несколько налётов фашистской авиации, уже были раненые, ранен в голову наш командир полка, несколько человек не дошли до передовой.

Шли полями. Как жалко было, сердце кровью обливалось, мы топтали по грудь выросший лён, овёс, рожь – год был чрезвычайно урожайный, но война погубила всё.

Ночью мы подошли к передовой, а ранним утром вброд форсировали реку и вступили в бой. В атаку пошли за командиром роты по полю, где были копны соломы, от копны перебежками к другой. Он подал команду: «За мной, за Родину, в атаку! Ура!» и мы поднялись, побежали вперёд, крича: «Ура!». Немцы засыпали нас минами и строчили из пулемётов, - атака не удалась. Через несколько часов атаку повторили, немцев потеснили. Бой был неравным, жестоким. У них было больше автоматического оружия, в землю были зарыты танки с большим радиусом действий пушек и пулемётов. Страшно ли было идти в атаку? В первый раз не сознавал ни какого страха, потом – да страшно, но страх можно побороть и победить его в зародыше, в самом бою страх не чувствуется.

В начале августа я был ранен в правую руку пулей навывлет и отправлен в санчасть, потом в госпиталь города Актюбинск. Так началась моя фронтовая жизнь. Через месяц меня выписали и направили в выздоравливающий батальон в город Алма-Ата, откуда на курсы «Выстрел» при академии им. Фрунзе в город Чирчик.

Война принесла немыслимые народные бедствия, горе, страдания и муки нашему народу, который всё вынес на своих могучих плечах. Нас тоже это не обошло стороной. Не вернулись с фронта два моих брата, сестра умерла в тридцать четыре года, остались вдовами две сестры жены, а дети – сиротами. Подорвала здоровье моё и жены. Жена более двадцати лет страдала тяжёлым недугом.

Теперь можно услышать на Западе, что пора забыть то, что было, ведь прошло много времени. Нет, это забывать мы не должны, не в праве и не можем. Война унесла жизни 20 миллионов и о них нам не забыть, не позволяет нам живым наша совесть и они не простят. Да будем же помнить сами и накажем детям, внукам и правнукам, чтобы и они не забывали никогда.

Мир мы завоевали с оружием в руках ценой огромных потерь, жертв, разрушении, теперь его защищаем в мирное время всем, чем можем, и говорим будущему поколению: «Будьте бдительны, защищайте, берегите самое ценное для человечества – МИР».

ЖАРКИЕ ДНИ В ПЕТРОПАВЛОВКЕ и КОРОТОЯКЕ

1. ВСТРЕЧИ ВЕТЕРАНОВ 46 ГВАРДЕЙСКОЙ КРАСНОЗНАМЁННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ.

В день Победы 1979 года в Коротояке и Петропавловке, там, где шли ожесточённые бои на Дону, и в 1981 году в городе Борисоглебске, где формировалась наша 174 стрелковая, ставшая 46 гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизией, были организованы встречи ветеранов этой прославленной дивизии. Теперь уже убеждённые седины старики, бывшие молодыми красноармейцами минувшей много лет назад той большой – Великой Отечественной войны. Это они на своих плечах вынесли все тяготы войны. На встречах мы вспоминали те трудные и горькие, но героические и памятные дни своей боевой юности в жестоких сражениях на Воронежской земле – на Дону.

В этих населённых пунктах нас встречали с радушием и радостью, с высоким долгом уважения. 9 мая 1981 года в Грибановке нашим воинам, группу возглавлял генерал-майор П.В. Романенко, по русскому обычаю был преподнесён хлеб-соль, и уже не молодая женщина, преподносившая его, сделала земной поклон. Генерал сказал: «Что Вы, за что?!». Женщина ответила: «Меня люди просили сделать это за то, чтобы не пустили немцев сюда».

Встречи, как правило, носили большой воспитательный характер: проводили уроки мужества в школах, учебных заведениях, встречи с молодёжью. Мы приходили к братским могилам, памятникам, чтобы поклониться, отдать дань уважения тем, кто отдал жизнь за Родину, за нас живых. Память о них бессмертна для всех поколений.

Коротояк. Был солнечный день, на небе ни облачка, тишина. После обеда 9 мая организовали прогулку по реке Дон на пароме. Посмотрели те места, где в 1942 году в июле-августе дивизия вела ожесточённые бои с фашистскими захватчиками. Тогда мы не замечали донской красоты, а ведь природа здесь очень красивая. И тогда была эта красота ведь?

Эти покрытые зеленью луга, деревья, Дон – непревзойдённая красота! А в памяти возникали события нашей боевой юности и молодости.

В Коротояке многое то, что было, я не обнаружил. Нет тех зданий, за которые упорно дрались наши бойцы в уличных боях, нет зданий тюрьмы, двух двухэтажных кирпичных домов и «красных», и домика напротив, в который бросили гранаты четвёртка храбрецов, здания сберкассы, МТС. Коротояк заново отстраивался, но уже не как город, а как большое село Острогожского района.

Эти встречи побудили меня вспомнить и записать, как всё было (я много лет записывал воспоминания). Теперь годы уходят, хочу заново написать свои воспоминания с учётом встреч, бесед с однополчанами, чётко встают эпизоды, как живые в памяти и имена, и фамилии совершивших их.

2. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА.

В середине мая 1942 года я вместе со старшим лейтенантом Фёдором Фёдоровичем Исковым после окончания курсов «Выстрел» прибыли в 508 стрелковый полк 174 стрелковой дивизии, которая стояла в районе Старобельска, потом переехала в район Борисоглебска. Наш полк стал в селе Грибановка.

Мы были назначены Исков Ф.Ф. первым, я – четвёртым помощниками начальника штаба полка. Через месяц Исков был переведён во второй батальон на должность адъютанта старшего (начальника штаба) батальона. Перед боевыми действиями на должность помощника начальника штаба первого был назначен лейтенант Ильинов, прибывший с пополнением, но утром в первом же бою был ранен. В результате оперативную часть пришлось выполнять мне и быть всё время в боевых порядках наступающих вместе с командиром полка майором Фёдором Львовичем Добшиковым.

После боёв за Коротояк, когда мы перешли к обороне на левый берег Дона, по моей просьбе был переведён на должность адъютанта старшего первого батальона, который формировался заново.

В наш полк, да и в дивизию поступило пополнение в возрасте 18-19 лет, ещё не побывавшие на фронте, как говорили – необстрелянные и мало обученные. В начале июля командир полка Ф.Л. Добшиков, начальник штаба полка Пётр Григорьевич Хаджинов и я шли в батальон, расположенный в лесочке. Тропинка петляла между деревьев и кустов по склону глубокого оврага. В лесу стояла предвечерняя чудная тишина, по дну оврага, журча, бежал ручеёк, унося свои воды куда-то вдаль.

Тянуло лёгкой прохладой, сменяя знойный день в поле. Воздух был чист, наполнен ароматом леса, цветов, голова слегка кружилась от пряного благоухания лесных запахов. В лесной тишине раздавались множественные громкие и чуть слышные, протяжные и быстрые птички голоса. Их песни звучали на разные голоса, их оттенки сливались в одну стройную гармонию чудных звуков. Всё это будило, будоражило воспоминание о прошлой мирной жизни. Вспомнилось, как на станции провожала жена, она тогда сказал: «Береги себя и воюй честно, я знаю твою смелость, но зря бесцельно не рискуй, а если придётся умереть, то с достоинством».

- Хорошо-то как в лесу сейчас, лёг бы в траву на спину, руки под голову, и смотрел бы сквозь кроны деревьев на темнеющее синен небо и слушал бы тишину и птичек, - сказал негромко с печалью в голосе Хаджинов.

Лес полон чарующих звуков и природы: нет дела, что идёт война жестокая, унося человеческие жизни. Долго шли мы молча, потом командир полка сказал: «Я думаю о вновь прибывшем пополнении и о предстоящих боях – уж больно молоды они. Пополнение – юноши восемнадцати лет, с такими ребятами мне не приходилось воевать... Как они поведут себя в бою?».

Подошли к отдыхающим и услышали интересные разговоры бойцов. Красноармейцы батальона расположились на отдых после суточных тактических учений и продолжали их разбор. В одном взводе один молодой красноармеец спрашивал: «Товарищ младший лейтенант, а на фронте так же будут идти танки прямо на пролом и утожить окопы, как сегодня было на учении, или просто пройдут?».

- Может быть ещё злее, яростнее, там же будет война. Нам надо ко всему быть готовыми, и самое главное, научиться не бояться танков. Для смелых и умелых, ловких они не страшны, их уже научились бить связками гранат и бутылками с горючей смесью, и артиллерия поможет, - ответил командир взвода.

«Конечно, там бывает страшно, - сказал сержант, - надо приучить себя владеть собой. В пылу боя забудешь всё на свете, одно помнишь, как бы опередить противника, победить его. Страшно бывает вначале, не надо поддаваться страху, победить его в себе. Мне приходилось отбиваться от танков. Было страшновато, но мы выстояли. Взводом подбили и подожгли пять танков, а лезли они как шайтаны, ну, черти порусски. Главное во время уметь взять себя в руки. Не растеряться, победить страх и думать, как изловчиться и лучше трахнуть врага, и страх пройдёт. Хорошо, когда в бою рядом с тобой верный друг, он всегда поддержит, не оставит в беде».

- Воевать надо умело, с толком, чтобы голова твоя была светлой, а ум острый, расчетливый, быстро соображающий. Надо обхитрить врага и опередить его, тогда будет больше уверенности в победе, - сказал пожилой и опытный красноармеец Тарасыч.

- Уверенность в бою даёт больше возможности сохранить жизнь свою и товарища, - сказал взводный.

Так незаметно, но настойчиво в беседах и на примерах командиры и опытные красноармейцы воспитывали молодое пополнение, готовили их к предстоящим боям. Труд их принёс хорошие результаты в первом же бою на Дону за Петропавловку и Коротояк.

Командир батальона приказал вывинуть пушку на прямую наводку сопровождать наступающих в боевом порядке пехоты.

3. ЖАРКИЙ ДЕНЬ ПОД ПЕТРОПАВЛОВКОЙ

Мне часто вспоминается и даже приходит во сне лето сорок второго, когда решалась судьба нашей Родины. Ожесточённые бои шли тогда в Придонец. Фашистским войскам удалось захватить мост через Дон и плацдарм на левом берегу у села Петропавловка.

Нашим войскам – 6 армии под командованием генерала Харитонова была дана директива уничтожить плацдарм немцев на левом берегу Дона, и, в частности, 174 стрелковой дивизии, которая получила приказ во что бы то ни стоило сбить врага с плацдарма, пресечь его наступление вглубь нашей страны, в числе тех, кто получил приказ, был и наш полк.

На исходные позиции дивизия сосредоточилась к утру 19 июля в районе Дракино, оттуда и повела наступление на Петропавловку. Мы пришли ночью, окутавшей не просветной мглой сосновый бор и колхозное поле. Стояла тяжёлая июльская духота. Красноармейцы с взмошками от пота спинами расположились в ложине, отдыхая после многокилометрового семидневного марша. Через несколько часов предстоял бой. Это была ночь с 18 на 19 июля 1942 года.

К командиру роты подбежал посыльный: «Вас вызывают в штаб батальона». Вскоре командир взвода объявил: «Наступаем на лес, а потом на Петропавловку».

В роте были в основном юноши, недавно прибывшие на фронт, комсомольцы воспитанные так, что ни один не дрогнул при слове «Наступаем!». Прикрываясь темнотой, а при вспышке осветительных ракет падая и замирая, красноармейцы подошли близко к противнику. По цепочке тихо был передан приказ: «Остановиться, оканпаться, подготовиться к атаке», это были последние минуты перед жестоким боем.

Бойцы притаились в неглубоких окопчиках. Тишина. На востоке заалела заря, на траву упала роса.

- В такое утро на реку, да с удочкой, - заметил кто-то. И тут над головами понеслись с воем снаряды «Катюши», заработала артиллерия. Тишина раскололась, всё пришло в движение, загрохотало, завывло, земля загудела, затряслась, как в ознобе. Притихшие бойцы взвода младшего лейтенанта Павленко ждали сигнала атаки. Артиллерия умолкла, стало вдруг тихо. Взлетела в небо красная ракета – сигнал атаки. Тревожно забилось сердце солдата. Командир поднялся первым: «В атаку! За Родину за мной, ура-а-а!». воины смело вскочили на ноги и бросились на окопы врага.

Уцелевшие после артиллерийской подготовки огневые точки врага открыли яростный огонь по наступающим. Снаряды и мины поднимали тучи пыли, фонтаны земли, осколки разили солдат, пулемётные очереди прижимали к земле. Появились убитые и раненые. Санинструктор Нина бесстрашно моталась по полю боя под градом пуль и осколков, перевязывала раненых, ободряла ослабевших, эвакуировала в санчасть.

Огонь гитлеровцев прижал к земле наступающих. Атака застопорилась. Тогда старший лейтенант Казак Тимофей Константинович приказал выдвинуть на боевые порядки две пушки на прямую наводку. По ним сразу полыхнула пулемётная очередь, пули забарабанили по щитку, из расчёта кто-то: «Ой!» и упал с пробитой ногой. Вторым снарядом пулемёт противника был уничтожен, огонь перенесли по другим видимым целям, уничтожая их. Вновь раздалась команда: «За Родину, за мной, ура-а-а!». Красноармейцы, ободрённые помощью артиллеристов, дружно и смело пошли в атаку. Одним из первых во вражеский окоп ворвался красноармеец Пшеничный, обладая богатырской силой, он в рукопашную уничтожил двух гитлеровцев, при этом о голову одного из них сломал свою винтовку, схватил вражеский автомат и побежал дальше, увлекая за собой товарищей.

Несмотря на невыгодность для нас рельефа местности - открытая, никаких укрытий, бойцы преодолевали её и наносили поражение врагу. Грохот боя не утихал, а разгорался. Батальон медленно, но упорно продвигался вперёд, беря приступом каждый узел сопротивления. В числе первых ворвался в сосновый бор взвод первой роты и стал громить врага. Немцы упорно сопротивлялись, цепляясь за каждый бугорок, куст, дерево. Всё больше появлялось раненых, к ним на помощь спешили санинструкторы, укрываясь от пуль и осколков, спасали раненых, выносили их в укрытие.

- Товарищ сержант, Ваня Исаев убит, - кричит со слезами на глазах первый номер пулемётного расчёта.

- Огонь! Сидоров, огонь по группе врага на опушке, Тарасыч, замени Исаева, - командует сержант Ахметов и сам устремляется к опушке леса. Тарасыч быстро вставляет диск, и пулемёт снова стал сеять смерть среди врагов.

- Вперёд, за мной, - командует взводный и снова в бору гремит русское «Ура!». Гитлеровцев наконец выбивают из леса, путь к Петропавловке и к Дону расчищен. Взвод с боем прошёл бор и оказался на опушке, за ней песчаный отлогий холм, опускающийся к пойме реки. Справа – село Петропавловка, оно упирается окраиной в сосновый бор у оврага.

- Вот мы и вышли к селу, река и город как на ладони, - радостно крикнул Ахметов. Гитлеровцы удирают из бора, но ещё следующий день шла упорная борьба за Петропавловку и мост.

Роту поддерживал пулемётный расчёт сержанта Веденко Степана Семёновича, в этих боях мужественно и смело дрался с фашистами его пулемётный расчёт. Умело маневрировал на местности, посылая во врага то длинные, то короткие очереди, уничтожая гитлеровцев. На встрече Веденко иронизировал: «Мы были при формировании в М. Грибановке в церкви, укрывали пулемёты ризами с крестами, вот немцы и испугались, убежали из леса, потом из Петропавловки и за Дрн». Не риз и крестов они испугались, они оскверняли наши церкви, они испугались метких очередей «Станкоча» (станковый пулемёт) в крепких руках, точного маневрирования в ходе боя, перемещая его тактически грамотно используя местность в лесу, разил фашистов, помогая продвижению вперёд бойцам пехоты.

2 августа на левом берегу Дона Веденко Степан Семёнович был тяжёло ранен и эвакуирован в госпиталь, был признан ограниченно годным и обучал пулемётному делу красноармейцев в запасном полку. После войны преподавал в школе математику, жил в городе Торез, умер в 1987 году.

- Драпают, драпают, - кричат весело бойцы, к чёрту, через мост, через село, через Дон в Коротояк.

- удирают, - громко кричит, сверкая глазами Тарасыч.

Как показали пленные, наш натиск был таким сильным и сокрушительным, что они бросили первую и вторую линии окопов, которые старательно соорудили и оборудовали. Не сумели удержаться в бору и селе.

20 июля немцев вышибли из села Петропавловка.

Второй день был ещё более ожесточённым в сражении.

- товарищ младший лейтенант, смотрите, они удирают через мост в город, вот бы пару пушек с опушки леса на прямую наводку, - подбежал и охрипшим голосом говорит сержант Ахмедов, - сильно ещё подлещи огрызаются, хотя задержат нас и пропустят через мост всех своих. Вдруг по скоплению противника у моста ударила наша «Катюша». Фашисты в панике заметались по берегу, ища укрытия. Бойцы радостно приветствовали залпы гвардейских миномётов, точно накрывших цель.

- Тарасыч, кто тебя так разукрасил? – спрашивает, разглядывая окровавленное лицо друга Пшеничный.

- Да, тот плюгавый мадьяр в бору огрызнулся, пришлось прикончить, а хотел взять в плен, жизнь сохранить, не захотел дурак. Ты-то своего «рыжего» быстро порешил, даже автомат остался не перезаряженным.

Наступил ясный, знойный летний полдень, а пропотевшие, прожжённые солдаты ещё не закончили своего ратного дела – врага надо было изгнать из Петропавловки полностью и очистить левый берег реки Дон.

Как была взята Петропавловка?

Командир полка майор Ф.Л. Добшиков и начальник штаба ст. лейтенант П.Г. Хаджиков прибыли на командный пункт командира батальона ст. лейтенанта Т.К. Казак. Наблюдательный пункт располагался на опушке бора над Доном, из него хорошо просматривалась Петропавловка.

- Товарищ старший лейтенант, немедленно атакуйте и возьмите село, не давайте противнику опомниться, в селе закрепиться, - приказал командир полка.

Я часто бывал с командиром полка майором Добшиковым в батальонах. В бою он был смел, храбр, требователен к себе и подчинённым и всегда находился там, где трудно, где надо было решать сложные задачи боя, умело управлял наступательными операциями, одновременно был добр к солдатам, берёг из по возможности, зря не рисковал жизнями подчинённых. Теперь, вспоминая это, сколько добрых и хороших людей встречалось на моём жизненном и одним из таких был командир нашего 508 стрелкового 139 гвардейского стрелкового полка Фёдор Львович Добшиков. В 1944 году он потерял ногу. Будучи без ноги он командовал школой сержантов в Польской Народной республике, потом был военкомом, жил в городе Гомель, в марте 1984 года умер.

- Село должно быть взято, - повторил комполка.

- Готовимся и сейчас атакуем, в тыл села послана группа разведчиков.

- Смотрите, смотрите, товарищ майор, справа от села в тылу разведчики завязали бой, - воскликнул Хаджиков.

В это время взвилась красная ракета, разведчики дали сигнал, и тут же с криками «Ура!» две роты батальона пошли в атаку на село.

- Молодцы разведчики! Село, наверно, возьмём легко, роты дружно пошли в атаку.

Когда батальон готовился к атаке, группа разведчиков прошла в обход села, осторожно пробиралась оврачком за огородами, где ползком, где пригнувшись, торопя друг друга, осматриваясь и прислушиваясь к каждому шороху, они приближались к окраине села. Дома уже были близко. Разведчики неожиданно для врага с криком «Ура!» бросились к домам и забросали их гранатами. Мадяры бежали. Наши бойцы ворвались в дома и сразу начали обстрел улицы из окон. Дали красную ракету, в селе началась паника. Наступающие роты ворвались в село. Опомившись, гитлеровцы упорно сопротивлялись, цеплялись за каждый

дом, но организованного сопротивления стремительному натиску наших бойцов организовать не смогли и стали откатываться к мосту. Отдельные очаги сопротивления фашистов были быстро подавлены в и село Петропавловка к исходу дня 20 июля полностью очищено от противника, но надо было добить его так, как мост ещё оставался в руках врага.

В это время произошла заминка, кончились боеприпасы. Командир взвода приказал: «Тарасыч, бери бойца и быстро к старшине за патронами и гранатами».

Батальон готовился к шестой в этот день атаке на окопавшихся у моста солдат противника. В эту небольшую передышку перевязали друг другу раны, полученные в бою. Только теперь почувствовали боль, которую не почувствовали в пылу сражения. Все легко раненые остались в строю и не пошли в санчасть.

Через мост продолжалось беспорядочное бегство фашистов. Батальон решил атаковать и захватить мост, чтобы на плечах противника ворваться в Коротояк. Однако, было уже поздно, немцы облили бензином и подожгли мост.

- Ну вот, были почти у цели, и на тебе – мост горит, а можно было ворваться в город, - зло сказал Тарасыч.

- Добить оставшихся здесь на берегу! И командир взвода поднял в атаку бойцов и вновь раздалось громкое и дружное «Ура!», в который раз в этот день, долгий и напряжённый. Часть противника бросилась через Дон вплавь, другая предпочла благоразумно сдаться в плен. Мало кому из плывущих удалось добраться до правого берега. Дон кипел от разрывов снарядов, мин, свиста пуль и поглотил тела врагов.

Петропавловский немецкий плацдарм на левом берегу Дона был полностью ликвидирован, и путь им для дальнейшего наступления в этом районе прочно преграждён.

В его ликвидации приняли все полки, подразделения дивизии, поддерживающие части Придонья 174 стрелковой дивизии: танкисты, лётчики, артиллеристы. При этом многие бойцы, командиры и политруки показали образцы мужества, отваги и героизма. Это был массовый героизм.

В первые дни молодые воины показали себя стойкими, смелыми, храбрыми в бою с большой воинской смекалкой и настойчивостью, умело приспособившись к местности. Никто из них не струсил и не попятился назад в ходе боёв с врагом.

Многим не суждено было выжить и воевать дальше, многие попали в госпиталь и потом вернулись в части уже бывальыми воинами.

Те опасения, которые были высказаны командиром полка во время формирования, оказались, к нашей радости, напрасными и это радовало всех. Те несколько недель,

которые были отпущены для учёбы и воспитания бойцов, не пропали даром, а принесли свои замечательные плоды.

Армейская газета «Боевая тревога» в те дни писала с статье «Бить фашистов так, как бьют их бойцы Добшикова»: «Наши части на голову разбили 75 немецкую дивизию» и «...Особенно отличились бойцы командира Добшикова, стремительным ударом они сломили передний край обороны противника, ворвались в центр села и приступом брали дзот за дзотом, блиндаж за блиндажом.

Товарищ Добшиков и его комиссар тов. Чувашов были ранены дважды, но продолжали руководить боем...».

*Потерпите немчого, косточки целы, через
месяц-два будете с нами, все будет хорошо.*

4. НА БЕРЕГУ РЕКИ

К вечеру рота заняла оборону на окраине села Петропавловка, по склонам высоты среди кустарников взвод по приказу младшего лейтенанта стал отрывать окопы и оборудовать основные точки для пулемётов и их расчётов. Взвод потерял в боях более трети своего состава, было много раненых, несколько человек убито.

Под покровом темноты, поздно вечером, когда установилась фронтовая тишина, старшина роты доставил в окопы горячую пищу, хлеб и махорку, а вместе с этим последние новости. Ночь принесла с собою относительную успокоенность. Потянуло свежим донским ветерком, охлаждая разгорячённые тела до крайности уставших воинов. Они не замечали сверкание звёзд на ясном ночном небе, отражающееся на глади воды Дона. «Обедали» в укрытиях, вспоминали минувший бой и подшучивали друг над другом.

- А, товарищ Рыбкин – молодец, хотя и мал ростом. Он мне сегодня утром жизнь спас, спасибо, сказал Пшеничный.

- Ну уж, и спас, да у меня самого душа в пятки ушла, а сердце чуть не разорвалось на части. Я не помню, как всадил штык в «рыжего» и он с рёвом вцепился в штык моей винтовки. Не вырони «рыжий» автомат и мне конец был бы.

- Товарищ старшина, а правду говорят, что кто-то струсил и бежал с боя, оставил товарищей?

- Нашёлся один такой в соседнем полку, фамилию запомнил. Когда наши пошли утром в атаку, он остался на месте, а затем взял под руки одного из раненых и ушёл с ним в санчасть вместо санитаря. Так добрался до тыла. Когда его задержали, он сказал, что здесь в тылу ищет остатки своей разбитой утром части, а его часть-то воюет вместе с нами в Петропавловке, фашистов громит. По приговору трибунала расстреляли перед строем его роты.

- Струсил, пусть за себя и отвечает, таких не жалко, вот каких ребят потеряли в бою – смелых и храбрых. Мы такого позора на себя не возьмём, - Пшеничный зло выругался. Сплонул, взялся за лопату и глубоко вонзил её в землю. Старшина забрал термоса, раненого Блинова и тихонько ушёл, а бойцы всё ещё обсуждали случившееся.

- За работу! – скомандовал взводный. Только к рассвету взвод полностью закончил отрывку и маскировку окопов, выставили наблюдателей и устроились в своих окопах отдыхать. С высокого берега Дона города Коротояка фашисты отлично видели всю систему нашей обороны. Их снайперы не давали возможности в дневное время нашим бойцам не только выходить на открытое место, но и свободно передвигаться по ходам сообщения. В этих условиях от воинов требовались большая осторожность, выдержка и

смекалка. Оборудование окопов и огневых точек, доставка пищи и боеприпасов – всё производилось под покровом темноты. Немцы тоже перешли к обороне и продолжали укреплять свои позиции на подступах к Коротояку в самом городе. Они вели методический огонь миномётами, артиллерией и из пулемётов, ночью подвешивали осветительные ракеты.

Вспоминается такой случай.

Я и командир полка шли на командный пункт к блиндажу по песчаному косогору, хотели сократить путь. Только вышли на середину косогора, сразу стали рваться мины вокруг нас. В песке были вырыты небольшие ячейки, мы быстро залегли в них в отдалении друг от друга, хотели переждать, но не тут-то было: мины ложились ещё чаще. Слышу сквозь стон и гул земли от разрывов голос командира полка майора Добшикова: «Лейтенант, ты жив?». «Жив, - отвечаю, - бежим к селу под гору». Только мы добежали до села Петропавловка, тут-то обстрел прекратился. Немцы с высокого берега заметили красной окольш на фуражке командира полка и били прицельно.

Началась подготовка к форсированию Дона и штурму Коротояка, отыскивались на берегу лодки, строили плоты, готовили различные подручные средства для переправы и тщательно маскировали в камышах и лозьяке. Наши самолёты ночью бомбили фашистов (славные ночные бомбардировщики ПО-2 «кукурузники»), на которых летали наши отважные и смелые девушки и женщины.

В ночь с 5 на 6 августа наши соседи справа, батальон полка Романенко начали переправу, а затем и наш батальон под командованием старшего лейтенанта Казак. Ночью бомбардировщики, как обычно, бомбили позиции противника. В стороне от настоящей переправы с целью отвлечения внимания фашистов (это не первый раз) был поднят шум с демонстрацией ложной переправы. В местах же основного удара всё делалось скрытно, бесшумно, спокойно, основательно и организовано, бойцы проявляли осторожность и дисциплинированность.

Взводу младшего лейтенанта Павленко была поставлена задача: на самодельных плотях переправиться через реку и с ходу захватить церковь, опорный пункт фашистов, потом пересечь базарную площадь и выйти к МТС.

Взвод действовал в головном отряде батальона, благополучно достиг противоположного берега и быстро высадился. Бесшумно было снято боевое охранение и церковь окружена, в неё через окна полетели гранаты. Уцелевшие фашисты, воспользовавшись темнотой, бежали. Слева и права так же начался бой: застрочили пулемёты, взрывались гранаты.

Внезапным ночным штурмом ошеломили гитлеровцев, застигли врасплох. Противник вначале не оказал серьёзного сопротивления, однако вскоре им удалось ликвидировать панику и фашисты начали организованно отбиваться, используя каждый дом, забор, канаву, любое укрытие.

К утру взвод Павленко выполнил боевую задачу, вышел к МТС. Бой продолжался. Только к полудню силами трёх батальонов удалось полностью очистить Коротояк от фашистских захватчиков. Командир батальона ст. лейтенант Казак организовал свой командный пункт на территории МТС, взвод выдвинулся вперёд и там закрепился, выслал боевое охранение.

На месте сгоревшего моста сразу за переправившимися воинами сапёры построили хлипкую переправу, но устойчивую – пешеходный мостик, привязав к обгоревшим сваям пустые железные бочки и настелив на них доски. Немцы всё время пытались его разбить, обстреливали из орудий и миномётов, бомбили с воздуха, но героическим трудом сапёров мостик снова возрождался и безотказно действовал.

Гитлеровцы не могли смириться с потерей такого важного опорного пункта как Коротояк и стали готовиться к реваншу. В район Коротояка перебросили подкрепление: пехоту, 140 танков и самоходных орудий. Их самолёты с 7 августа начали ожесточённые бомбардировки левого берега реки, села, дорог и наших артиллерийских позиций. Ежедневно они совершали по 9-12 налётов.

Штабная землянка нашего 508 стрелкового полка была построена в сосновом бору в ста метрах от опушки, недалеко от Петропавловки, в полкилометра от нас проходила дорога. Рядом на опушке расположился наблюдательный пункт артиллеристов в хорошо оборудованном блиндаже. У нас и артиллеристов были открыты ходы сообщения и щели, во время налётов авиации противника и артобстрела мы находились в укрытиях. 13 августа прямым попаданием авиабомбы разрушило один из блиндажей артиллеристов. Погибли два лейтенанта (к сожалению, их имён не знаю), а телефониста взрывной волной выбросило из траншеи. Он получил лишь несколько ушибов и лёгкую контузию. Наша же землянка все эти страшные налёты выдержала, мы отделались далёко неприятными переживаниями и большим нервным напряжением.

В эти дни в Коротояке шли ожесточённые бои.

5. ЭТОГО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

За короткое пребывание в городе Коротояке захватчики превратили его в руины. Везде груды кирпича, битого стекла, развалины и опустошение. Население как-будто исчезло – ни души не видно, всё замерло.

Во дворе дома была расстреляна группа красноармейцев, попавших в плен. Фашисты так и оставили расстрелянных у забора.

Одна семья не ушла из города, а укрылась под домом в подвале и сидела несколько суток. Когда началась стрельба, мальчик выглянул в слуховое окно и радостно воскликнул: «Наши, наши в городе! Фашисты бегут!». Но тут же отпрянул от окна: «Дедушка, плача, воскликнул он, - дом немцы поджигают, сгорим!». Мать схватила маленькую девочку и выбежала во двор, потом на улицу побежали старик и мальчик. Они слишком поторопились...

На улице с поджатыми под себя ногами лежал старик, сражённый автоматной очередью. Он лежал бледный в поношенном полотняном костюме, спина была залита старческой кровью. Седые усы слиплись, а волосы раскинулись по булыжной мостовой. Ключика, с которой он, видимо, не расставался многие годы, находилась рядом с ним, зажата в руке. Недалеко от него за углом дома лежал, раскинув руки – как-будто хотел обнять что-то большое, мальчик лет пятнадцати, сражённый очередью фашиста.

На другой стороне улицы лежала совсем ещё молодая женщина, её русые кудри лежали вихорком на светлом детском лобике девочки. Девочка обняла мать одной ручонкой, а в другой зажала куклу. Ротик открытый, слёзы ещё не высохли на её щеке. Какой страх ей пришлось пережить перед смертью! Синее в горошек платьице, как у атери, было залито невинной детской кровью, а бледное с подтёками слёз лицо застыло в ужасе. Все эти люди хотели спастись, убегая из горящего дома, но попали под пули озверевших убийц, вымещающих свою злобу за поражение на безоружных и беззащитных советских людях.

- За что, за что же они их так? – гневно говорили красноармейцы. Они стояли и смотрели на чудовищное злодеяние. Гнев и ярость рвали их сердца, к горлу подступал ком, и становилось тяжело дышать от такого кошмара.

Я подошёл к группе стоявших красноармейцев и содрогнулся, увидев всё это. Ведь и у меня семья примерно такая же, и сын такого возраста, к тому же я не знал, где они, а город мой оккупирован врагом. Я долго находился под тягостным впечатлением от этой страшной трагедии.

- Похороните их здесь – во дворе, - с грустью сказал я, понурил голову и отошёл.

Прошло много лет, и теперь мы сопоставляем гуманность советского солдата и зверства фашистов. Именно он, советский солдат спасает немецкую девочку, выносит её из огня на руках, а жестокость врага стала его погибелью.

6. СУТКИ ДЛИННЫЕ, КАК ВЕЧНОСТЬ

Августовская жара невыносима, травы побурели и скорчились, словно в землю хотят зарыться. Серая дымка то ли от пороховой гари, то ли от солнечной, сделались плоскими какими-то безжизненными лица людей. Лишь к утру из лога от ручья чуть-чуть потянет свежий ветерок. Но роса не успевает напитать травы, умирает в зловещей серой дымке.

Третью неделю стрелковый взвод сражается в составе батальона южнее Воронежа. Взвод занимал оборону на окраине города Коротояка за МТС, отделению сержанта Ахметова было приказано – выдвинуться в боевое охранение.

- Слышишь, вроде бы и в северной части стрельба пропала, - сказал Сидоров, вонзая лопатку в глинистый твёрдый грунт.

- Выходит, город весь наш, ответил Ахметов, прислушиваясь к городу.

- Отдохнуть бы, да не спешить с рытьём ямочек в полный профиль, немцев что-то не видно, вяло подгребая лопатой землю, сказал Рыбкин.

- Не ямочек, а окопов и ячеек. Это тебе не на озере рыбачить. Капай, не ленись, - зло высказал Пшеничный.

- Тебе что!? Ты, вон какой верзила, надавишь на лопату и кубометр вывернешь, а мне – то как? Что ж поделаешь, если я уродился таким слабосильным.

- Эх, порубать котелочек каши да ломтик хлеба с полкило, и что мне тогда старшина и твой товарищ по озеру – старший рыбак, - не слушая возражения Рыбкина, говорит Пшеничный. Рыбаками звали старшину и Рыбкина звали неспроста и не случайно.

Однажды во время затишья старшине роты пришла в голову замечательная мысль – накормить бойцов карасями. Он облюбовал недалеко от села озерцо, раздобыл бредень, взял с собой Рыбкина, и они отправились на рассвете к озеру. Закинули бредень и вытащили с ведёрко карасей. Ободрённые уловом, забросили второй раз, но тут стали рваться в озере мины - одна, другая, третья. Озеро дрогнуло, заплескалось, забурлило. Столбы воды, сверкающие на утреннем солнце, вспучились, захватывая водяными фонтанами «рыбаков».

- Попали, Рыбкин! Сами как караси на сковородке, - крикнул старшина. Не успели даже подобрать одежду и ведёрко с рыбой, как они потом рассказывали, а, может быть, стухнули немного. Прибежали в землянку в сосновый бор в мокрых кальсонах. Только ночью отыскали своё обмундирование, судьба ведра и карасей так и осталась неизвестной. Пропал улов, а прозвище осталось.

- Тихо-то как стало? А мы спешили, как черти упираемся в эту землю, скулил Рыбкин.

- А ты видел, как черти упираются? Ничего, больше пропотеешь, бегать меньше будешь. Ты, это, говори потише. Ещё не знаешь, что там фрицы замышляют, ты с ними совет не держал, - сказал Тарасыч, заканчивая отрывку окопа.

- Смотрите, «рыбак» старший идёт, - крикнул Сидоров, не отрываясь от лопаты. Старшина шёл в отделение по кювету дороги, ложиной, оглядываясь по сторонам. За обедом его спросили: «Как там - в северной части города?».

- Город полностью очищен, отогнали фашистов далеко, километров на пять, - ответил старшина, но командир роты приказал, чтобы вы получше и быстро окопались и смотрели в оба. Разведка доносит – немцы зашевелились.

- Да, немцы – не дураки, чтобы отдать такое выгодное место. Из этого городка на десять километров вокруг всё видно, - говорит раздумчиво Тарасыч, скручивая самокрутку. Командир отделения приказал хорошо замаскировать окопы ветками и травой.

- Может быть, наши окопы понадобятся не на сутки, надо понять, что мы в боевом охранении, и, если немцы будут наступать, наша задача – предупредить и дать возможность взводу и роте подготовиться к отражению атаки. Сутки – это немало и их надо умело и с пользой прожить, - задумчиво и строго, по-отцовски назидательно сказал Тарасыч.

К вечеру перед боевым охранением показались немцы, но атаковать, почему-то не решились.

Наступила ночь. Обычно солдаты ждут её, так как она приносит затишье, но трудно было предугадать, что ожидает бойцов боевого охранения.

Вдумайтесь теперь. Время отдалило нас от тех грозных событий и с высоты лет видится всё тускло, а кое-кому, не испытавшему ничего подобного, просто не понять их. И всё же воспоминания ярко полыхают в бессонных ночах тех, кто пережил войну.

Ночь выдалась душной длинной, как вечность. Она не принесла ни сна, ни прохлады уставшим в боях солдатам. Они были всё время в готовности, как на острове в бушующем океане лицом к лицу с врагом. Отделение урывками по очереди отдыхали, а ведь прошли сутки с последней передышки. Наблюдатели строго следили за поведением противника, вслушиваясь в тишину.

- Да, что у нашего командира взвода не отнять, так это умения командовать. А я-то сомневался поначалу, – говорит тихо, с уважением Тарасыч невидимым своим собеседникам и, как и они, вглядываясь в темноту.

Много командир прощал солдатам мелких проступков, запросто с ними разговаривал, изредка шутил, но на занятиях

был строг и требователен в меру. На проверки по стрельбе и тактике солдаты и сержанты показали хорошие результаты. В первых боях выдержали экзамены на мужество и умение.

Солдаты полюбили своего командира, и когда был первый бой, он показал себя умелым и находчивым. Таких командиров и сержантов было много, и они вместе с бойцами ковали победу: это золотой фонд армии.

- Рыбкин, ну как фрицы, далеко удрали? – спрашивает, улыбаясь, Пшеничный.

- Да, я думал, они не скоро опомнятся, - растерянно ответил Рыбкин.

- А ты соображай головой, а не другим местом. Правильно сделал сержант, заставил тебя работать до седьмого пота, подал голос Сидоров.

Эта ночь им показалась вечностью, будто время остановилось в своём движении, и не было конца минутам и часам. Каждый в тиши ночи вспоминал своё.

И Пшеничный вспомнил один эпизод (недавно это было, прошло три недели с того трудного марша).

- Товарищ сержант медицинской службы, идите к нам, приглашает Ахметов, - отдайте с нами уши.

- Это, пожалуй, можно! А где раздобыли?

- В селе, которое утром прошли. Повезло, Пшеничный расскажет.

- Запопал в хату попить воды и наполнить фляжку, а когда стал благодарить, хозяйка говорит: «Подожди, я тебе дам петуха, только что сварила, угостите своих товарищей. Но смотрите, назад не идите. Даю вам петуха, может быть и моему сыночку Васе кто-нибудь даст в дорогу покушать». Смотрю, а у неё слёзы навернулись. Говорю: «А если бы мы отступали, отдала бы?». Хозяйка подумала, оглядела меня: «Раненым отдала бы, а таким как ты здоровым и сильным, уходящим от врага – нет, не дала бы».

- Выходи, что нам строгий наказ – ни шагу назад, прослушав это, задумчиво и тихо произнёс Тарасыч.

- Ну, что ж, наказ этот мы выполним, - сказал младший лейтенант Павленко.

- Товарищ сержант Нина, разделите петуха между всеми, - предложил Ахметов.

Вспоминая этот эпизод, пшеничный смотрел на восток и думал: «Выполним мы наказ». Там, куда он всматривался, чуть побледнело, в кустарнике какая-то птаха несмело пискнула. Он удивился – уцелела среди огня. Удивился и подумал, даже поверил вдруг, что доживёт до конца войны, пройдя сквозь огонь невредимым.

Красноармейцы отделения не думали о смерти, они думали о победе и о том, что будет, когда кончится война. А человек так устроен, что в самые горькие для него минуты в нём

живёт что-то такое, что помогает верить в светлое, в победу, в победу разума что ль?

Вот и рассвет наступил, заря вспыхнула оранжевым пламенем, предвещая жаркий день. Метрах в пятистах от боевого охранения в одном из оврагов стала накапливаться пехота противника. Доложили командиру взвода. Вскоре данные о противнике уже были известны в штабе полка и артиллеристам. После дополнительного уточнения координат по этому скоплению немцев был дан залп гвардейских миномётов («Катюши»). Около батальона пехоты было частично уничтожено и рассеяно, атака фашистов сорвалась. Но это было только начало. Немцы спешно перебрасывали к Коротояку свежие части и технику, в том числе танки.

Вот и прошла тревожная, душная, августовская ночь. Красноармейцы отделения были в крайнем напряжении, внимательно следили за противником. Показалось, что тягостному ожиданию не будет конца. Все переживали в душе события последних трех недель боевой жизни. И вот теперь приближалось время выполнить наказ той женщины-матери до конца.

- Товарищи, выполним свой комсомольский долг! Умрём, но отстоим и не отойдём без приказа. Никто из нас не отступит, это наша земля, и мы даём слово Родине-матери, что будем её защищать до последнего, - сказал Ахметов, увидев наступающего врага.

- Не уйдём, не отступим! – ответили бойцы отделения.

Гитлеровцы в полный рост с автоматами на груди шли в «психическую» атаку. Пьяные фашисты горланили во всю силу своих глоток.

Согласно приказа взводного, их подпустили поближе и открыли огонь из всех видов стрелкового оружия, прорвавшихся вперёд уничтожали гранатами. боевое охранение под прикрытием пулемёта отошло вправо и присоединилось к взводу. Накал боя всё возрастал. Несмотря на потери, вражеские солдаты понукаемые офицерами продолжали продвигаться вперёд. Они наступали с двух сторон – с севера и запада. Пулемётчики Пшеничный и Сидоров скрытно выдвинулись во фланг наступающим вражеским цепям и залегли в одном из воронок от снаряда.

В этот момент сзади наступающих фашистов возникли огненные фонтаны, и послышался грозный грохот взрывов снарядов «Катюши».

Вспоминая те страшные бои в Коротояке. Я только на встрече ветеранов узнал, кто корректировал огонь и указывал цели для артиллерии и «Катюш».

Я тогда был оставлен дежурным по штабу на командном пункте. Трое суток без сна и отдыха держал связь с командиром полка, командирами батальонов, артиллерии.

- Алло, - докладывали из района МТС, - в ложине немцы накапливают силы для атаки, дайте огня!

Я тут же уточняю по карте координаты и передаю на батарею знаменитых «Катюш». Звоню в батальон: «Через пять минут смотрите точность попаданий и немедленно доложите». В этот срок залп дивизиона, снаряды пролетали как огненные смерчи над лесом, - слышу треск и гром разрывов. И тут же доносят: «Снаряды точно накрыли цель, остатки врага бегут назад». Я передаю результат стрельбы на батарею, и так все трое суток.

Так точно корректировал огонь многих залпов артиллерии и «Катюш», нанося большие потери немцам. Связист, инженер по образованию Высоцкий Василий Николаевич. Он сидел на крыше дома за трубой с телефоном, наблюдал и наносил пометки на карту. Теперь он – ведущий инженер Рудпроекта Ленинградского проектного института. Он закончил службу в 139 гвардейском полку в должности командира роты связи в звании гвардии старшего лейтенанта.

Это сейчас можно просто сказать: «Сидел на крыше, наблюдал... Подумаешь, беда большая. Но тогда! Только вдумаешься и становится не по себе. В то время стояла такая жара, солнце жгло, накаляло железо крыши, была духота, вонь толи от разрывов снарядов и мин, пыль и дым от пожарищ – всё смешалось в один тугой клубок.

- Эх, хотя бы ветерок, подумал он, - охладил бы немного, рассеял дым, который слепит глаза. А снаряды летят над головой и не только наши, но и немцы стреляют по городу. Если бы его заметили, сняли бы в момент снарядом. Нужно было проявить мужество и смелость, смекалку и находчивость, и Высоцкий обладал этими солдатскими качествами в полной мере.

Рота и передовой взвод выжидали врага, пока подойдет поближе. Фашисты бежали, на ходу стреляли из автоматов, пули как рой пчёл жужжали над головами. Противник уже не больше пятидесяти метров от окопов, раздаётся команда: «Огонь! Огонь по наступающим!».

Треск пулемётов, хлопки винтовочных выстрелов, гул рвущихся гранат – смешались в общий рёв боя. Дым, пыль, гарь – заволокло всё вокруг. Бой достиг такого накала, как туго натянутая струна, - вот, вот лопнет. Стон, крики, ругань смешались с разрывами снарядов, гранат и мин, грохотом жестокого боя. Цепи врага редели.

- Залпом, гранатами, в контратаку! За Родину, за мной! Ура-а-а!

Взвод младшего лейтенанта вместе со своей ротой и соседями пошли в контратаку. Слева ударил пулемёт Пшеничного. Оставляя убитых и раненых на поле боя, фашисты откатывались на исходные позиции. Было ясно, что

противник на этом не успокоится. На других участках бой продолжался с прежней силой. Получив короткую передышку, красноармейцы торопились привести в порядок себя, оружие, окопы и боеприпасы, перевязать раны. У Рыбкина оказалось пробито ухо.

- А всё же тебе, Рыбкин, везёт, - заметил Тарасыч, - смерть была на волоске, а уцелел.

- а у кого она была дальше? Сегодня что-то муторно на душе, - ответил Рыбкин и как-то сжался.

- Это не всё, они вот-вот опять полезут, готовьтесь к отражению новой атаки, - приказал взводный.

Одну за другой отбили ещё четыре атаки бойцы взвода и роты. Метко и спокойно стрелял Рыбкин, но при отражении последней атаки вражеская пуля попала ему в лоб над правым глазом. Рядом с убитым лежало шесть гильз – так он отмечал удачные выстрелы.

- Хорошо он воевал, товарищ был добрый, смелый, смерть наступила мгновенно, - говорили его товарищи по оружию, он предчувствовал её.

День ещё не кончился, солнце медленно катилось к закату. Было жарко, мучила жажда, у бойцов во рту пересохло. Воздух был пропитан копотью, дымом и пылью, трудно дышать, а бой продолжался уже и на улицах города – позади занимаемой ротой позиции. По центральной улице с севера на южную окраину Коротояка прорвались танки и самоходные орудия, потеснили соседей и вышли к командному пункту нашего третьего батальона. Командир батальона был убит, старший адъютант – ранен. Тяжело ранило командира роты. Отрезанная от батальона, без связи, сильно поредевшая рота находилась в тяжёлом положении.

Командование ротой взял на себя политрук Сергеев, который отдал приказ занять круговую оборону. К роте стали присоединяться отдельные бойцы и группы из других рот батальона, командный состав которых выбыл из строя.

В расположение взвода Павленко удалось пробиться и нашей Нине. Она побежала к раненому, в это время снаряд угодил прямым попаданием на командный пункт батальона: командир убит, начальник штаба ранен. Потом и танки ворвались на КП. Нина ползком, укрываясь от автоматных очередей, стала выбираться, так и пришла во взвод, вымазанная в глине, гимнастёрка порвана, волосы слиплись прядями, слёзы на глазах. Она рассказала, что произошло на командном пункте. Начала организовывать эвакуацию раненых единственным оставшимся обходным путём – в расположение второго батальона, переправившегося на правый берег в город ночью. Там в монастыре находилась санчасть. Нина с большой энергией приступила к делу – стала перевязывать раненых, готовить к переходу на берег. А на

улицах города всё ещё гремели бои. Горели немецкие танки и самоходные орудия, подбитые нашими бронейщиками. Пытаясь сбить со своих огневых позиций отважных бронейщиков, гитлеровцы стали поджигать дома зажигательными снарядами. Удушливый смрадный дым пожара стоял над городом густым чёрным облаком.

Пользуясь своим превосходством в живой силе и технике, не считаясь с потерями, противник на многих участках потеснил наши части, но МТС было ещё в наших руках. фашисты решили засветло покончить с нами – выбить нас. Началась шестая за этот день атака на сводную роту политрука. Боеприпасы были на исходе.

- Без команды не стрелять, беречь патроны и гранаты, - приказал политрук Сергеев.

Солнце всё ниже спускалось, наступал долгожданный вечер, но проклятые фашисты ещё раз попытались взять МТС. Наступало пять танков, за ними, прикрываясь бронёй, пехота.

- Приготовить противотанковые гранаты бутылки с горячей смесью и ждать команды, стрелять только прицельно.

Команда «огонь!» раздалась, когда гитлеровцы были не дальше пятидесяти метров. Сразу вспыхнули пулемётные очереди, заработал единственный в роте миллиметровый миномёт, который вместе с двенадцатью минами был вынесен с огневой позиции батальонной миномётной роты. Пехоту удалось отсечь от танков. Первый танк подбит противотанковой гранатой, а за ним подожжен бутылкой с зажигательной смесью в двадцати метрах от окопа. Второму танку удалось проскочить через окоп, но он тут же загорелся. Такая участь постигла ещё два танка. Танкисты выскочили, пытаясь скрыться бегством, но их прикончили гранатами и винтовочными выстрелами. Пятый танк, очевидно командира, начал пятиться назад. Завязался бой в траншеях с просочившимися фашистами. Вход было пущено всё – от пулемёта до сапёрной лопаты и ножа. Рукопашной схватки враг не выдержал и стал отходить восвояси. Вслед им полетели метко брошенные гранаты, которые завершили этот бой. Сидоров дал длинную очередь из пулемёта. Самая страшная и жестокая атака была отбита с большими потерями для противника. Бой закончился. Быстро опустилась августовская ночь, наступила тревожная страшная тишина с всевозможными неожиданностями в темнеющей мгле.

Победа досталась роте дорогой ценой. Ряды роты сильно поредели, был тяжело ранен взводный, получила сквозное ранение в предплечье и Нина. Она перевязала раненых, и продолжала находиться в тревожной ночи в этом полуразрушенном большом окопе. А ночь спустилась

безлунная, тихая, только звёзды мерцали ярко, стайками сверкая над головами.

Из офицеров в роте остался только политрук Сергеев, из младших командиров – сержант Ахметов. Боеприпасы при отражении последней атаки практически закончились. Создалась угроза полного окружения остатков батальона.

- Пшеничный и Сидоров, к политруку! – приказал Ахметов, принявший командование взвода после ранения младшего лейтенанта, - Поидете разведать путь отхода роты и доложите о нашем положении.

При этом сам политрук отправился уточнить состояние своей роты и привести её в порядок. От всего батальона осталось всего сто двадцать человек, включая десять тяжело и двадцать легко раненых. На всю сборную роту осталось две гранаты и 300 патронов, которые собрали и отдали пулемётчику Мурзе Хабибулину, чтобы зарядит ленту. Батальон сражался двое суток и стойко удерживал свои позиции, были отбиты шесть атак превосходящих сил противника. Фашисты понесли большие потери: пятнадцать танков и самоходных орудий уничтожено, сотни солдат и офицеров врага было убито и ранено.

Прошло полтора часа томительных ожиданий. Вернулись разведчики и передали приказ командира полка: «Отходить скрытно к берегу». Разведчики принесли с собой два ящика патронов, которые тут же раздали бойцам. Нужно было пройти 450 метров ложиной, расположенной на окраине города. Сделать это предстояло с величайшей осторожностью, буквально «под носом» у врага.

Прежде всего, организовали эвакуацию раненых во главе с санитарструктором Ниной и разведчиком Сидоровым, затем тронулись все остальные. Шаг за шагом пробирались по ложине. Головная часть колонны уже достигла здания, занятого бойцами второго батальона. В это время раздался сильный взрыв - это разведчики подорвали обнаруженный немецкий танк. Немцы всполошились и открыли сильный огонь по нашим отходящим бойцам.

- Бегом, за дом, быстро! Скомандовал политрук.

Одного нашего бойца всё же ранило. Выручил пулемётчик Мирза Хабибулин, он не стал устанавливать пулемёт на станину, а положил пулемёт на бревно, попавшее под руку, и дал длинную очередь, прижал немцев к земле, дал возможность нашим бойцам ускользнуть из-под огня.

Измученные, грязные, почерневшие от порохового дыма, пыли и копоты войны третьего батальона переправили через Дон и отвели во второй эшелон полка, на следующую ночь переправили первый батальон в Коротояк. Утром ему удалось отбить у фашистов пятнадцать домов. С этого момента начались затяжные уличные бои – за каждую улицу, за

каждый дом. По несколько раз они переходили из рук в руки, изматывая силы. Полностью город захватить немцы так больше и не смогли, плацдарм в районе Коротояка на правом берегу Дона «пяточок» остался за нами, как нож в боку немцев.

В начале сентября 1942 года остатки подразделений полка были выведены из Коротояка. Остатки 508 и 628 стрелковых полков сведены в 494 стрелковый полк в районе Петропавловки и подчинены командиру 160 стрелковой дивизии и оставлены в обороне на левом берегу Дона.

Командиром 1 стрелкового батальона был назначен полковник Гайнудинов Сабир Гайнудинович. Батальоны после боёв в Коротояке формировались заново. В середине октября нашу дивизию, ставшую с 10 октября 46 гвардейской стрелковой дивизией, перебросили на Калининский фронт. Полковник Гайнудинов был отозван и батальон принял капитан Ефимов Сергей Фёдорович. Я остался в этом батальоне адъютантом старшим (начальник штаба батальона).

7. ВЫСТОЯЛИ

В середине августа 1942 года в Коротояке разгорелись с новой силой ожесточённые уличные бои. Это для наших бойцов было впервые и являлось «учёбой» сражаться в населённом пункте за каждый этаж и дом, сарай, забор, за камни мостовой, за каждый улицу. Бойцы и командиры с честью выдержали этот нелёгкий экзамен боевой учёбы на стойкость и мужество, выносливость и сообразительность, военную смекалку и находчивость, мастерство и высокое морально-политическое и нравственное превосходство над врагом.

Будучи помощником начальника штаба полка (а в батальонах почти не осталось офицерского состава и солдат) временно, до прихода подкрепления мне было приказано с двадцатью бойцами, собранными из тыловых подразделений, удерживать два двухэтажных дома (их называли красные дома).

Это были дни исключительного напряжения, испытания меня в суровой боевой критической обстановке. Этот двухдневный бой запомнился мне на всю жизнь.

В первой половине ночи я прибыл на место с двумя отделениями. В домах было по два человека и в подвале телефонист и двое раненых, которых я немедленно отправил на берег в санчасть.

Одно отделение под командованием сержанта поставил в доме справа, а во втором доме под командованием ефрейтора (теперь очень жаль, что их имена и фамилии не помню, но были они молоды, боевые и смелые ребята, хорошие солдаты).

Расставил по одному отделению на дом, приказал первому следить особенно за левым флангом – левой стороной дома, второму – за правой, чтобы немцы не смогли зайти во двор, в тыл, в подъезды домов. Особенно надо было смотреть за правой стороной, там уступом назад стояло здание тюрьмы. Наша задача – во чтобы то ни стоило, удержать эти дома, не дать немцам выйти к переправе.

Стояла знойная духота, кирпичи домов накалились до предела, воздух наполнен удушливой вонью от разлагающихся трупов, пыль стояла облаком на улицах. Пот градом катил по лицам бойцов, застилая глаза, мешая смотреть, спины взмокли, от солёного пота задубели гимнастёрки. Днём было невозможно доставить бойцам пищу, боеприпасы, эвакуировать раненых. Все ждали ночи, может быть, затемно бой затихнет. Но он затихал лишь на час-другой. Смотри, смотри, не спи и не прозевай. Мы также в долгу не оставались.

На противоположной стороне стоял полуразрушенный кирпичный одноэтажный дом на четыре окна – как заноза. Враг его использовал как крепость с четырьмя амбразурами, там засели снайперы.

Надо было уничтожить эту занозу.

На улице недалеко, в 5 метрах от этого дома была большая воронка от бомбы, вот её мы и решили использовать.

- Товарищ сержант, - это было моё распоряжение, - сегодня подготовить трёх бойцов, и с ними незаметно, как только стемнеет, и немцы успокоятся, станут ужинать, подползти в воронку и забросать гранатами домик во все четыре окна. Распредели, кто в какие окна будет бросать. Надо это гнездо разрушить, иначе мы будем терять красноармейцев. После бросков гранат быстро обратно, мы прикроем - из пулемёта дадим очередь по окнам, чтобы немцы не смогли во ваших бойцам открыть огонь. Сейчас начни наблюдение, изучи подходы к воронке.

- Товарищ лейтенант, обратился боец, Вас к телефону.

Я быстро соскочил по лестнице в подвал, взял трубку: «Я слушаю!».

- Смотрите в оба, что-то немцы притихли и возьмётся у дома напротив вас.

- Ясно, будем принимать меры. Разрешите их ночью пошекотать гранатами.

В телефоне сначала – тишина, а потом: «Разрешаю». Такой разговор состоялся с командиром батальона.

Примерно в 22 часа дом нашими отважными смельчаками был полностью разрушен, в него было брошено двенадцать гранат, в том числе четыре противотанковые. Группа красноармейцев без потерь вернулась в обороняемые дома.

Фашисты всполошились, но было уже поздно: нападающие ушли. Они всю ночь бесновались, применив миномёты, гранаты, стрелковое оружие. Дома крепкие – выдержали ночной натиск огневых налётов. В эту шумную ночь мы ни одного бойца не потеряли и были довольны этим. Потом мы узнали, что немцы готовили штурм наших домов, и в том домике был командный пункт штурма. Наш ночной налёт опередил, сорвал планируемый штурм. Было убито и ранено пятнадцать гитлеровцев с командиром роты.

После двух суток противостояния пришла смена – взвод пехоты.

Я со своей группой сдал пост – эти два дома, вернулся в штаб к своим обязанностям. За двое суток мы потеряли двух бойцов убитыми и трёх ранеными, но дома удержали, нанесли урон врагу. Не дали фашистам потеснить нас к переправе.

Так закончился один из многих этот маленький эпизод моей военной жизни в Коротояке.

8. «ПОЛКОВНИК» БАМ (или пожар в землянке)\

Во время войны я знал Григория Яковлевича Бам, как красноармейца, связиста, обеспечивающего связь с соседями. Прошли десятилетия, и из молодых, даже юношей мы стали пожилыми убелёнными сединами.

В конце 1977 года я неожиданно получил поздравительную открытку с наступающим 1978 годом. Ответил я Григорию Яковлевичу коротким письмом, сообщил о своих воспоминаниях о военном времени и как жил после. Так продолжилось наше знакомство с ним. Потом мы встретились в 1978 году во время встречи ветеранов нашей дивизии в Великих Луках, там собралось нас 22 человека.

Григорий Яковлевич был инициатором и организатором встречи, был создан совет ветеранов 46 гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизии, инициативная группа в составе: Бам Г.Я., Лейбин А.С., Шпота А.А.. На собрании ветеранов первым председателем совета был избран Бам Г.Я. – человек, который умел приблизить к себе людей своей простотой, эрудицией, вежливостью, спокойным и добрым отношением, а собеседник сразу проявлял к Григорию Яковлевичу уважение и доверие. Он проводил огромную работу по розыску ветеранов дивизии, изготовлению памятного знака. При его непосредственном участии создавалась книга «От Дона до Прибалтики» - боевой путь 46 гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизии (1942-1945 гг).

В 1979 году осенью его не стало, смерть вырвала из наших рядов замечательного человека, нашего товарища и друга – Бам Григория Яковлевича.

После упорных боёв в Коротояке в сентябре 1942 года нас вывели из города и мы заняли оборону на левом берегу Дона. На должность командира первого батальона был назначен полковник Гайнудинов Сабир Гайнудинович, был понижен до командира батальона за сдачу Коротояка. Он приказал командиру взвода обеспечения лейтенанту Якушеву построить ему землянку в три наката, по его проекту с основным входом и дополнительным выходом, который шёл в овраг, покрытый лесом, сделали кроватку, настелили еловыми лапками, укрыли их плащ-палаткой. Смастерили столик на козлах, пол так же был покрыт еловыми лапками, чтоб меньше было пыли. В землянке кроме полковника находились его адъютанты и два телефониста. Я редко отдыхал в его землянке. У нас была рядом маленькая земляночка, где были писаря, отдыхающие иногда и я с заместителем командира батальона по политчасти. Но больше мы находились в ротах. Недолгоблвали мы своего комбата за его высокомерие, он приказал звать его только по званию – товарищ полковник.

И вот однажды во второй половине сентября в батальон пришёл заместитель командира дивизии полковник Майборода. Они сидели у столика по концам, я сбоку, докладывал по карте систему обороны, вдруг большой сноп белого пламени из-под стола, все выскочили из землянки.

Выскочил запасным ходом и телефонист Григорий Яковлевич Бам, но забыл захватить и вынести аппаратуру. Полковник закричал: «Там под застрехой противотанковые гранаты, взорвут землянку. Бам надел противогаз и полез в горящую землянку, выкинул три гранаты и выскочил, закашлялся, всё же наглотался в землянке дыма.

- А рюкзак и шинель почему не вынесли?

- Да, вы не сказали, где они там.

За его вещами никто не полез в горящую землянку. Пожар потушили быстро песком и стали приводить всё в порядок. Причины пожара: ординарец комбата и Бам принесли дополнительные артиллерийские заряды в шелковых мешочках и положили под стол, полковник Гайнудинов и зам. Командира дивизии курили, и горячий пепел попал на эти заряды – они вспыхнули. Рюкзак сгорел с парадным обмундированием, шинелью, сгорела и кровать. От гимнастёрки остался воротник со знаками отличия – четыре шпалы. БАМ Г.Я. надел на себя воротник и объявил: «Я – полковник, и вы должны мне козырять!». Появился полковник Гайнудинов, увидел его в этом наряде со шпалами, рассвирепел, закричал: «Расстреляю за самовольное присвоение себе звания!». Не знаю, растерялся ли Григорий или нет, да скорее – да, ведь ему было всего 18 лет.

Я тогда сказал: «Товарищ полковник, что Вы не видите, что это просто озорство. Я тоже бы отмочил, что-нибудь подобное или по хлеще, хотя значительно старше его по возрасту и по званию».

Уже в то время Григорий Бам, как связист, проявлял находчивость, исполнительность, уверенно сохранял вверенную ему технику, смелость и отвагу солдата, но не прочь был поозорничать.

В 1944 году Григорий получил ранение, и был уволен из армии по инвалидности. Но это не сломило его. Он с присущей ему волей, настойчивостью и трудолюбием пошёл учиться, в 1948 году окончил с отличием Криворожский горный институт. Работал в Читинской области энергетиком, потом главным механиком. Решением Обкома КПСС был направлен на работу в Совнархоз на должность начальника технического снабжения. В 1965 году был приглашён на работу в Кривой Рог на должность заместителя директора горно-обогатительного комбината.

К работе и партийным поручениям относился добросовестно, по-деловому. Много работал, любил своё дело и людей, пользовался большим авторитетом и уважением.

Мы, ветераны 46 гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизии, сохраним добрую память о нём, как о лучшем друге, инициаторе создания совета ветеранов нашей славной дивизии и первом его председателе.

9. НАХОДЧИВОСТЬ ПОМОГЛА

- Активную помощь оказывали пехотинцам миномётчики, рассказывал на встрече бывший наводчик Савутский Дмитрий Ефимович.

16 августа весь день шли ожесточённые бои, мы расстреляли весь запас мин. Нещадно палило солнце, стволы миномётов разогрелись так. Что до них нельзя было дотронуться. Бойцы сняли гимнастёрки – мокрые, побелевшие и побуревшие от соли и пота. К вечеру не стало боеприпасов на батарее, надо пополнить, а они за Доном.

- Ох, ребята, душно-то как стало! Просто нечем дышать, и к вечеру духота не убавляется, - говорит миномётчик и руками машет, нагоняет прохладу, - на батарее под косогором скопилось много раненых миномётчиков и пехотинцев, что-то надо делать. До переправы далеко, и по досточкам через Дон они не смогут перейти без помощи.

Вдруг хлопнул ладонью по лбу наводчик Савутский: «Товарищи, есть выход! Недалеко спрятана рыбацкая лодка, вот мы и переправим на ней раненых, а оттуда мины и продукты доставим. Как Вы думаете, товарищ санинструктор, сумеем переплыть с ранеными через Дон? Если – да, то готовьте их». Спрашивает, а про себя уже решил, во что бы то ни стало, побывать на левом берегу, осуществить задуманное.

- Надо попытаться, а я всё сделаю, чтобы раненые не боялись сесть в лодку и плыть на тот берег.

Санинструктор Настя была решительна и смела, её бойцы батареи любили, уважали, но побаивались за стойкий и сильный характер, она могла и отчитать назойливых и утешить ослабевших.

- Но всё же это Дон, а не речушка какая-нибудь, и по этой реке за пять минут не переедешь. Если немцы засекут, тогда что? – сказал кто-то из расчёта.

- Не ной! – оборвала его санинструктор.

- Попробую пригнать лодку и перевести сначала трёх раненых, предложил маловеерам Савутский.

Так началась эвакуация раненых и обеспечение батареи боеприпасами и питанием. А когда солнце зашло и сумерки пали на Дон, Савутский очередным рейсом благополучно перевёз последних, организовал на левом берегу встречу и приём раненых в санчасть. Так было эвакуировано двадцать раненых, и батарея обеспечена боеприпасами и питанием.

Этот эпизод на первый взгляд как-будто незначителен, но в бою он дорог тем, что надо было проявить человеческую совесть и рискнуть на лодке сделать пять рейсов через такую реку как Дон под постоянным ожиданием прицельного огня

фашистов. Спасибо, что по донской пойме пошёл густой туман и закрыл реку от наблюдателей противника.

перевозка раненных из под Коротояка
через Дон на левый берег в санчасти, а
обратно боеприпасы и продукты.

10. РАССКАЗ КРАСНОАРМЕЙЦА

В один из дней первой половины октября я с командиром роты пришли во взвод, которым после отгремевшего боя в Коротояке командовал старший сержант Ахметов, ему только что было присвоено звание. Пшеничного назначили командиром отделения, присвоили звание сержант.

Во взводе мы услышали много интересного, красноармейцы расположились в блиндаже на отдых, но никто не спал, а внимательно слушали рассказ сержанта.

Когда мы вошли, Ахметов вскочил и громко подал команду: «Встать, смирно!».

- Вольно, вольно, сидите, продолжайте, - сказал командир роты, по лицам видно, что интересное рассказывается. Сержант, рассказывайте, а мы слушаем.

- Крепко нам досталось при последней атаке у МТС, - начал сержант, Солнце было на заходе, вечерело. Отбиваюсь от наседавших фрицев. Смотрю, прямо на меня лезет танк. Бросил бутылку с горючей смесью, а она проклятая подвела - осталась возле танка, только пару раз перекувырнулась, хотя бы разбилась, и то легче стало бы. А этот гад ползёт и ползёт на меня, как огромная страшная чёрная лавина. Я сжался в комочек, душа в пятки ушла.

- Да, хорош комочек, - вставил кто-то. Пшеничный был высок и широк в плечах, поэтому замечание вызвало обивление и смех в блиндаже.

- Весь дрожу от страха, - продолжал рассказчик, - глаза на лоб лезут, волосы как будто поднимают каску, а сердце вырывается из груди, в голове шум и грохот. Думаю, отвоевался, стал уже прощаться с мамой и сестрой Машей. А танк как назло наехал на окоп и начал разворачиваться, может мне это показалось, и он не разворачиваясь, просто прошел через окоп. Гусеницы лязгают, сам на ходу стреляет из пушки, в ушах такой треск и гром, думаю - перепонки вот-вот лопнут, моторы в ушах режут. В окопе установилась такая темень, хоть глаз выколи, земля дрожит и как-будто ходуном ходит, меня засыпает большой лопатой. А я всё ниже и ниже опускаюсь на дно окопа и думаю: «И хоронить не надо. Засыплет землёй, и скажут - пропал без вести». И до чего же обидно родным получить из военкомата такую бумагу.

Ад, крошечный ад, всё стонет, и земля дрожит надо мной всем своим существом. Сижу не жив ни мёртв, и вижу - посветлело над головой. Постой, думаю, я ещё жив, счастливо отделался, и умереть мне рановато, остался воевать - воюю. И откуда прыть взялась, сам не знаю. Думаю, что делать? А у меня в руках зажата бутылка с горючей смесью, и я запустил её в переползающий танк с тыла и ни куда-нибудь, а прямо в

моторную часть. На этот раз моя бутылочка не подвела, выручила. Танк задымился, заплясало пламя, потом и весь танк всыхнул, объятый багровым пламенем завертелся на месте и стал. Фашисты-танкисты стали быстро выскакивать из танка. «Что не понравилось в тёпленьком сидеть, на воздух захотелось!?» - порадовался я. Они начали куртками сбивать пламя.

- Ах, гады!

Их винтовки – бац!. Они - черти, залегли.

- Ну, это нахальство, не по праву, вам бы сдаваться, а вы...

Взяла меня злость, и я запустил гранату. Кричу: «Гад, сдавайся!». Немецкий танкист вскрикнул. «И не кричи, я же не кричал, когда ты меня топтал в окопе, а теперь поквитаемся. Но чья-то пуля успокоила его, так мой «крестник» остался у горящего танка. Никто из экипажа не ушёл.

- Наш командир хочет с фрицами воевать по каким-то правилам. С ними надо воевать, как с самыми оголтелыми бандитами и самыми злейшими врагами – без пощады, - заметил Тарасыч.

- А вывод мой такой, сказал Пшеничный, танков не надо бояться, прежде пропусти и бей наверняка, если не успел его подбить при подходе к окопу.

- Всё же Гитлеру со своим войском не устоять и не усидеть на нашей земле, поддержал Тарасыч, -придёт время, пихнут его под зад, и будет он лететь отсюда без оглядки. А кто не успеет унести ноги, будет лежать – наша земля как-нибудь прикроет их. Проклянут врага все народы, в том числе и сами немцы.

В те суровые и тяжёлые дни неудач мы верили в неизбежность нашей полной и окончательной победы.

- Я мечтал стать колхозным агрономом, поделился пулемётчик Сидоров, - люблю вставать рано, выйти в огород или поле, а вокруг такая красота. Выходит солнце, бросает свои золотые стрелы, а растения стоят, подняв к нему листочки, как ушки зайчика на них росинки – изумрудные бусинки, так и светятся. Воздух утром свежий, чистый, омытый росой, вокруг цветы, цветы. Утренние запахи и ароматы кружат голову и пьянят, так бы стоял и любовался природой. А пора сенокоса – это чудная пора, когда рано утром по росе выйдут колхозные косари и пойдут друг за другом, косы звенят «вжик, вжик!», потом девчата с граблями – сено ворошить. Люблю землю, луга, раннюю зарю, восход и заход солнца – одним словом, природу. Помешал осуществить мечты проклятый Гитлер, будь он проклят.

- Я закончил учительский техникум, а тут война. Учить детей не пришлось, практики ещё нет. Жаль, многое забудется, грустно отозвался Ахметов.

- Не забудется, ещё богаче знания будут, познаешь суровую жизнь – на пользу будет, - возразил Тарасыч.

- Послушали интересные рассказы и воспоминания, а теперь мы вам сообщим очень приятную новость, - обратился я к красноармейцам. Все без команды встали, приняли стойку «смирно», - вольно! За успешные боевые действия по ликвидации плацдарма гитлеровцев, срыв их наступления на этом участке фронта и нанесения больших потерь в живой силе и технике, стойкость, мужество, организованность и дисциплину наша дивизия переименована в 46 гвардейскую стрелковую дивизию. Мы теперь должны обращаться друг к другу гвардии рядовой, гвардии сержант, гвардии лейтенант и так далее. Поняли?

- Поняли, товарищ гвардии лейтенант.

- Теперь я вижу и слышу, что поняли. Многие рядовые, командиры и политработники представлены к правительственным наградам и присвоению очередных воинских званий. Мы пришли поздравить вас с высоким званием гвардейцев и пожелать больших успехов в боевой жизни, счастья, здоровья каждому из вас, остаться живыми в этой большой и тяжёлой войне, победить жестокого врага. За счастье нашей Родины!

-Служим Советскому Союзу! – дружно ответили бойцы.

Подошли к концу мои рассказы о рядовых и командирах небольшого ранга, рассказы о солдатах, которые сражались за нашу Родину у стен Коротояка и Петропавловки на Дону.

В битвах воины вместе ходили в атаку на врага, вместе сидели в сырых окопах, вместе отбивали натиск врага, вместе громили его, ели из одного котелка, закуривали их одного кисета самокрутки из газетной бумаги, жили одними думами. Вместе смотрели смерти в глаза и отвергали её, вместе теряли друзей и печалились об утрате, вместе радовались успехам и огорчались неудачам, вместе исходили много пыльных, тяжёлых военных дорог, помогая друг другу в ратном нелёгком деле.

Бойцы, сержанты, старшины, офицеры – командиры и политработники дивизии выполнили наказ Родины-матери, выдержали испытание на прочность духа, героизм, стойкость, отвагу, находчивость, умение бить врага, там где он появился.

В бою цементировалась дружба народов. В полку, о котором я поведал в коротких рассказах, вместе сражались русские и украинцы, белорусы и татары, узбеки и армяне, грузины и таджики, казаки и чукчи и другие большие и малые национальности и народности нашей великой и всеми любимой Родины. И все они дрались с врагом, как родные братья. Это показало большое сражение на Дону за Коротояк и Петропавловку. Такой народ, такую армию победить не возможно, они непобедимы.

Помните, те суровые дни испытаний. Мы тогда были очень молоды, не опытные, но победили на песчаных холмах Петропавловки и крутых берегах Коротояка. Помните о тех, кто сложил свою голову за Родину, и о нас выживших. Память им вечная. И мы живые перед ними в неоплатном вечном долгу. Помните!

Оружием мы победили врага,
Трудом мы добудем хлеб.

ВETERАНЫ В СТРОЮ

На 8 мая 1945 года наша дивизия в составе армии готовилась к решающему штурму Курляндской группировки немцев, но боевые действия осуществить не пришлось – немцы капитулировали, вывесив повсеместно белые флаги. Настал долгожданный день Победы. Всем ходом жестокой и трудной борьбы наша 46 гвардейская Краснознамённая стрелковая дивизия тоже приближала такой победный исход.

Кончилась война и перед воинами встали новые сложные задачи: кем быть, с чего начать. По возвращению домой включились в новую титаническую, тяжёлую, но почётную работу по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. Рабочие становились к станкам заводов, фабрик, строек, колхозники шли в поле выращивать хлеб. Многие бывшие солдаты шли в учиться в институты, в школы, восполняли знания, продолжали обучение, прерванное войной. Становились партийными и советскими работниками, учёными, инженерами, агрономами, учителями, служащими, руководителями предприятий, колхозов, совхозов, учреждений.

Как и на фронте, не жалея силы, умения, способностей, отдавали всё для укрепления могущества нашей родной страны. Не досыпали, не доедали, но знали слово «надо» и делали в послевоенное время всё возможное и даже невозможное для восстановления разрушенного войной народного хозяйства.

В большом труде и учёбе бывшие воины стали:

А.А. Шпота – доктор биологических наук,

М.П. Павлов – ректор экономического института,

В.Н. Высоцкий – Заслуженный горняк Казахстана, ведущий инженер Рудпроекта Ленинградского проектного института, крупнейшего в СССР,

М.М. Кушеков – корреспондент республиканской газеты,

Л.Н. Чесноков – фотокорреспондент газеты,

В.Н. Бориско – председатель колхоза, Герой социалистического Труда и многие другие.

Все они достигли высот в своих трудовых делах, в гражданских профессиях. Теперь вышедшие на пенсию продолжают трудиться – учат молодых в профессионально-технических училищах Р.С. Карапетян, А.П. Гачегиладзе и другие. Многие наши товарищи к военным прибавили награды за мирный доблестный труд и добросовестную работу. Многие с гордостью донашивали шинели и гимнастёрки, подлатанные, подштопанные, мы не стеснялись

такой одежды в мирное время. Носили кирзовые сапоги и некогда нам было думать о модных туфлях. После войны мы с гордостью носили награды Родины – ордена и медали.

При подготовке празднования сорокалетия Победы я помогал райвоенкомату выявить участников войны, имеющих ордена и медали., в том числе медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-45 г.». Мной были выявлены случаи, когда люди, даже работавшие на ответственных постах, грамотные, отдали награды детям играть и они их растеряли. Почему я пишу об этом? Такое отношение к наградам не допустимо. Мы сами принизили тем самым память о войне и военных реликвиям. Стали забывать о товарищах не пришедших с войны, с которыми прошли много трудных военных дорог, и мы перед ними в вечном долгу. Это отразилось большим недостатком в воспитательной работе ветеранов с молодёжью. Мы наблюдаем неуважительное отношение к участникам ВОВ. В те годы можно было услышать от молодых людей: «Ну и что же, если вы воевали, то теперь всё время об этом говорить. Времени прошло много, и надо забыть».

В шестидесятые годы по каким-то причинам произошло разъединение нас, потеря чувства локтя друга, которое было во время войны. Участники почти не встречались и не старались узнать кто, где и как живёт.

В начале семидесятых, когда нам стало за пятьдесят и мы поседели, облысели, начало щемить сердце, возникла потребность узнать что-либо о товарищах, с которыми прошёл трудные большие дороги войны. Совесть подсказала – такое положение надо исправлять. Появилось ёмкое слово ветеран и встал вопрос: «Где ты однополчанин, как живёшь?». Начались поиски боевых друзей – печатались в областных, районных газетах адреса, начали организовываться встречи, создаваться советы ветеранов.

В конце 1977 года сложилась инициативная группа и нашей дивизии, в неё вошли Григорий Яковлевич Бам, Лев Алексеевич Шпота, Аркадий Семёнович Лейбин, Григорий Петрович Комиссаров. К этому времени мы разыскали 36 ветеранов 46 гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизии. На первую встречу 7-10 мая 1978 года в город Великие Луки прибыло 222 человека, там и был оформлен Совет ветеранов 46 гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизии. Его председателем был избран Г.Я. Бам. Совет начал работу по розыску однополчан. На следующий год уже было на встрече 63 человека. Теперь на учёте состоит 350 человек. Советом ветеранов за период 1978-87 годы семь встреч, готовится очередная. Встречи проводятся в разных местах, где дивизия вела бои. Готовятся они тщательно с руководителями городов, сёл.

Ведётся работа советом ветеранов войны и труда на встречах по месту жительства в школах, училищах, техникумах, в военкоматах с призывниками. Это даёт положительные результаты: молодые люди становятся лучше и внимательнее относятся к пожилым.

В 1981 году в Харькове я шёл к мемориалу – статуе матери Родины, за мной шли мужчины в возрасте 35-40 лет и говорили: «Зачем устроили показуху, потратили много денег?». Услышали это пионеры и буквально атаковали старших: «Как вам не стыдно! Знаете ли вы, что здесь лежат наши дедушки и бабушки – солдаты войны». Я не стал вмешиваться – они сами проберут невежд.

Таких примеров много.

Состав ветеранов нашей дивизии интернациональный. Они живут во всех уголках нашей Родины от Карелии до южных окраин страны, от Прибалтики до Дальнего Востока. На наши встречи приезжают русские и украинцы, белорусы и молдаване, татары и узбеки, грузины и казахи, армяне и якуты, башкиры и таджики, евреи и карелы и многие другие национальности и народности. Это – единая дружная братская семья, а язык для общения является русский.

Ещё на первой встрече в мае 1978 года мы договорились не соблюдать военную субординацию, все мы равны независимо от званий, принять одинаковое для всех обращение друг к другу – имя и отчество.

В 1979 году после смерти первого председателя совета ветеранов дивизии Г.Я. Бам новым председателем был избран тоже не из офицеров бывший отважный разведчик Аркадий Семёнович Лейбин, который активно проводил большую полезную общественную работу. На наших встречах всегда бывает дружественная деловая товарищеская атмосфера, мы на них отдыхаем душевно, в воспоминаниях о пройденном пути по военным трудным дорогам. Встречи и общение с молодёжью приносят радость, мы как бы сами молодеем.

Во многих городах и сёлах, в освобождении которых принимала участие наша дивизия, созданы школьные музеи или комнаты боевой славы 46 гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии: в медицинском училище города Борисоглебска (руководитель И.Т. Козлова), в Покровской школе села Коротояк (руководитель А.И. Сафонова), в Петропавловской восьмилетней школе, во 2 средней школе города Рокишкис Литовской ССР. Хорошо поставлена работа Покровской школы – она на областном смотре школьных музеев и залов, посвященном 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-45 годов, награждена Грамотой министерства просвещения РСФСР.

По прибытии на встречу в мае 1985 года ветераны нашей дивизии разошлись накануне праздника Победы по учебным

заведениям и провели для молодёжи уроки мужества в медицинском училище, техникуме механизации учёта, сельхозтехникуме, в школах. Вечером была организована встреча с молодёжью города в драматическом театре. Эта встреча взволновала ветеранов и молодых, выступление ветеранов тронули сердца юношей и девушек, произвели глубокое впечатление.

После митинга 9 мая и возложения венков и цветов к памятникам в 15 часов состоялся огонёк, организованный учащимися медицинского училища. На огонёк пришли все ветераны. Музыка военных лет, на столах самовары, чашки, печенье, конфеты, сахар. За столами убеждённые сединами ветераны ведут оживлённую беседу со студентами, на устах радостные улыбки.

На встрече в бывшем городе Коротояке в 1982 году мы прошли по местам боевых действий. Сияло солнце, озаря чистые воды Дона, вокруг зеленели луга, а рядом с ними лес, щебетали птицы. В боях в 1942 году мы не замечали всего этого...

Состав совета, избранный на встрече:

Лейбин Аркадий Семёнович
Шаплюк Федосий Григорьевич
Писарев Николай Григорьевич
Высоцкий Василий Николаевич
Романенко Павел Викторович
Фунда Иван Григорьевич
Карапетян Рем Сергеевич
Шпота Лев Алексеевич
Комиссаров Григорий Петрович

Добшиков Фёдор Львович (умер 1 марта 1984 года)

Заканчиваю мои маленькие рассказы о минувшей войне.

После окончания войны прошло более 42 лет. За это время мы поседели, постарели, многие наши товарищи ушли в небытие. С высоты прожитых лет виднее пройденный путь нашего гордого мужественного и смелого поколения. Мы видели всё – бури предвоенных лет, ураганы и штормы военного времени, бурные трудные годы восстановления хозяйства послевоенных пятилеток и тихие шестидесятые-семидесятые. Всё видели, всё пережили ветераны. Нам не жаль прожитого очень трудного времени, выпавшего на долю нашего поколения, мы всё сделали, что могли, и даже невозможное стало возможным. Мы жили честно с верой в прекрасное будущее, и наша совесть чиста перед временем и грядущими поколениями.

1988 год

Рисунки автора воспоминаний

Оглавление

Что мы знаем о себе	2
Так было	5
Жаркие дни в Петропавловке и Коротояке	8
1. Встречи ветеранов 46 ГКСД	8
2. Формирование дивизии	10
3. Жаркий день под Петропавловкой	13
4. На берегу реки	19
5. Этого забыть нельзя	22
6. Сутки длинные, как вечность	23
7. Выстояли	32
8. «Полковник Бам!» (или пожар в землянке)	34
9. Находчивость помогла	37
10. Рассказ красноармейца	39
Ветераны в строю	43